

НАЦІЯ

ВЛАДИМИР
ЕРАНОСЯН

КОЛОРАДЫ

ЭКМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е 69

Ераносян, Владимир.

Е 69 Колорады / Владимир Ераносян. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Нация).

ISBN 978-5-699-79033-3

Война — отвратительна. Война между братскими народами — отвратительна вдвойне. Отравленные кровью, сбитые с толку лживой пропагандой, озверевшие от взаимной ненависти, вооруженные люди с обеих сторон теряют человеческий облик, превращаются в отупевших, бешеных животных. Лишь только тот, у кого крепкий характер и твердые нравственные принципы, остается человеком... Отставной офицер ВМФ России с позывным Крым воюет на Донбассе на стороне ополчения. Случайно Крым узнает, что его командир Пугачев собирается продать украинским силовикам военнопленных, вместо того чтобы обменять их на захваченных ополченцев. Крым пытается воспрепятствовать этому, но Пугачев приказывает расстрелять бунтаря. В последний момент комбат передумал и продал его вместе с другими пленными банде неонацистов, возглавляемой фанатиком-униатом. Так Крым не по своей воле оказался в стане врага...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79033-3

© Ераносян В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Посвящается всем добровольцам, именуемым «колорадами». Всем ополченцам, прозванным «ватниками», «кацапам и москалям».

С любовью к моей мамочке Валентине, жене Леночке, в назидание моим драгоценным сыновьям Максиму и Богдану. В этом романе любовь переплетается с войной, ставка в игре равна жизни, а каждое слово имеет свою цену. Ведь слово одинаково способно врачевать и разрушать. Благодаря Богу и вам, мои родные, я преобразился и выбрал созидание.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Вот он, вернувшийся с войны мой бородатый приятель, седой весельчак. Доброволец. «Колорад» идейный. Приехал ненадолго. Ему скоро обратно. Загар не смыть с лица. Подколенники стерли волосы на ногах. От ремня кровоподтеки на плече. От берцев мозоли на ступнях. Мы ныряем в бассейн и плывем с ним наперегонки. Кролем. Я его обгоняю. Он бурчит, побежденный, клянет сам себя за то, что изрядно курил там. Потом выходит из воды и садится, чтобы продолжить наш нелегкий разговор, перерастающий временами в спор...

«Колорад» знает, что я пишу книгу, что ищу встречи с такими, как он, ополченцами. Что он не единственный, а лишь один из тех, кто может пролить свет на истину. Ему от этого обидно. Амбициозен. Чего уж там. Он знает об этой войне гораздо

больше меня. Но знает он также, что «в писанине мне равных нет»... Он сам хотел написать об этом. Но уверен, что я сделаю это лучше...

Именно поэтому он предельно откровенен. Не рассуждает ни о «ватниках», ни о «вышиватниках». Говорит, как было. Оратор, правда, нулевой. Но не это главное. Важно, что ему есть что сказать, а мне есть что написать.

— Ты же приплетешь отсебятины! — сомневается он.

— Не думай об этом, — отвечаю я. — Я не летописец-документалист. Чтобы тронуть за душу, нужны иные слова.

— Тебе виднее.

— Нет уж, ты — мои глаза.

С деталей переходим на общее. А там дебри политики. Он не понимает, почему я считаю «ура-патриотов-националистов», радетелей немедленной широкомасштабной войны, такими же разрушителями России, как и неолибералов, что перекараются в диктаторы, выдайся им немыслимый случай победить. Они сейчас заодно. Хотят вынудить Кремль на ненужную эмоцию, спровоцировать на войну, на большую кровь, которая смывает ту самую черту, что называется границей государства.

Ровно то же нужно и врагам. И милитаризированной кучке украинского народа, что встал под знамена марионеток.

Нечего будет кушать, если не будет военного пайка. Из украинцев делают воинский авангард для войны с братской страной. И военная партия Европы, и мировой «гегемон» лепят «рукотворного Голема». Территория «незалежной» — лишь плацдарм для разрушения горделивых славян...

Вечное недовольство, придирчивость к слову, как водится, отдаляли меня от завершения начатого дела. Вдруг что-то недосказал, что-то упустил. У кого-то не проконсультировался, с кем-то не посоветовался, не так закончил крайнюю главу, не довернул эпилог... Хотел ведь закончить запуском старого механизма поврежденных осколком часов на фронте дрянного отельчика, где разворачивается фабула, рождением ребенка в освобожденном ополченцами поселке... Но что-то остановило. Сделало окончание более прозаичным. Без символизма и панегирика вечной жизни. Просто потому, что еще не конец войне. Не конец проклятой войне.

Может, надо было дать настояться, переждать, осмыслить... Подработать фронтовые жаргонизмы, заменить магазин «рожком», бронежилет «разгрузкой», подчистить прямую речь, сократив

маты и презрительные прозвища... «Укропы», «колорады», «ватники»... А то реально ведь издадут прямо с колес! Как жареное.

Я обещал своему источнику, что он получит файл с романом одним из первых. Мне важно было его мнение. Я боялся реакции этих ребят, их оценка для меня важнее рецензий экспертов издательства. И я не считал нужным готовить их к чтению предварительными комментариями о художественном замысле произведения, о бессмысленности выискивать в нем четкую хронологию и сопоставлять героев с прототипами. Моя просьба заключалась лишь в том, чтобы они просто нашли время прочитать текст романа и честно оценить: «хорошо» или «плохо».

Потом меня стало тревожить еще кое-что. Что скажут там, на той стороне... Что необъективен? Предвзят? Зомбирован? Почему взял на себя право судить?

После долгих раздумий я пришел к мысли, что глупо бояться критики врага!

Книга моя о войне, но каждое слово в ней заряжено миром. Сглаживать углы должны переговорщики и парламентарии. В сюжете конфликт непримиримых сторон, раскачанная извне ситуация. Ответственность за ее нагнетание никогда не раз-

делят между собой протагонист и антагонист. Полутона в тылу. На линии соприкосновения черно-белые краски.

В издательстве после получения аннотации, зная меня, все-таки пять книг вышло у них, мягко поинтересовались: «А нас не привлекут за разжигание?»

Я спокойно ответил: «Не привлекут, но книга очень жесткая по отношению к неонацистам и унитам. А этих уродов бояться не стоит! В диалогах есть обороты, можно зацепиться, но они заложены в уста типичных героев и не отражают позицию издательства. Разговорная речь в художественной книге не может быть рафинирована. Тогда будет утрачена жизненность. При этом основной лейтмотив: амеры разожгли рознь между братскими народами. Что есть не разжигание, а попытка примирения. Так что нет, не привлекут. Но неприятие в Киеве книга вызовет однозначно».

Сказал так, а сам задумался. Может, и впрямь не стоило!? Может, остановить все?

И все-таки я решил доделать работу. Роман рождается с изданием. С бумажным переплетом. Электронные буквы мертвы без чувственных тактильных ощущений. Они и есть жизнь, не виртуальная, а настоящая. Прописные истины. Да, но

зачастую они соизмеримы со скрытой мудростью парадоксов.

Добро можно осязать лишь на фоне зла, мир наступает после войны. Книга должна быть написана и выйти в свет... Если она создана для света.

Перфекционизм хорош, только если не вредит результату. Избыточное самокопание и шлифовка текста убивают эффект чуда, фатума, судьбы рожденного в порыве вдохновения произведения, которое обязательно должно зажечь собственной жизнью с того самого момента, как автор поставил финальную точку.

Я нажал на Enter... Чтобы отправить в издательство, специалисту в покерной игре, ополченцам, мнение которых особенно дорого.

Ведь они до сих пор там, на передовой. И именно они главные инсайдеры, которые дали идею, натолкнули на мысль. А один из них, тот самый седой весельчак, бывший ГРУшник, уже 14 лет как уволенный в запас, прямо сказал: «Нужна такая книга. Я бы сам написал, если б мог. Молодежи мало. А с той стороны очень много. Патриотическое что-то должно быть у нас! Не отупляющее, а укрепляющее дух, просвещающее молодежь»...

Они выполнили мою просьбу. Прочитали. И сказали: «Спасибо...»

ГЛАВА 1

ХЛЕБ

Подросток лет пятнадцати, рыжий и веснушчатый, с немного вздернутым носом, попросил у меня хлеба. Пацан был уверен, что я помогу.

Наверняка он видел, как я, словно Рэмбо, бряцал затвором своего АК-47М с «подствольником», разгоняя стаю мародеров возле многоэтажки в Киевском районе города, куда давеча попала мина напрямиком с Донецкого аэропорта. Он словно замороженный наблюдал, как я вырвал из рук татуированного детины, возрастом немногим старше его, юную девушку. Как снял балаклаву с ее головы и вернул шерстяную черную маску с прорезью обратно на голову невменяемого злодея, только тыльной стороной. И как потом я лично затолкал мародера в багажник, бросив водиле: «Вези расписного на скотобойню!»

Наверное, в представлении паренька я выглядел командиром. На самом деле я был в его городе гостем, обычным добровольцем из Крыма. Сюда привела меня судьба. А я был фаталистом, не

мог молчать, когда внутри кипит, не мог скрывать, когда был не согласен, не мог сидеть в стороне, когда можно было бы и понаблюдать из норки. Уж таким уродился, возможно, себе на беду.

В Крыму после прихода «вежливых» на постоянное расквартирование самооборону разогнали, вернее, не поставили на довольствие. Казаков тоже поблагодарили, после чего Круг велел собираться на Донбасс к братцам. Добровольных дружинников из сокращенных офицеров и отпускников устно поблагодарили и тоже рекомендовали вернуться в места постоянной дислокации, в части и на «коробки». Вот и оказался я волею Провидения и по собственному разумению в отряде «колорадов», состоящем из местных и уроженцев Ростовской области. Пятьдесят на пятьдесят.

Местные были из захваченных Краматорска, Дебальцева, из Лисичанска и Донецка. Россияне попадали в наше подразделение в основном из Аксая, Азова и Батайска. Из Ростова человек пятнадцать, не больше. Отряд по-военному назывался батальоном, причем из уважения к Войску Донскому считался он казачьим. Поэтому носили мы казачьи шевроны.

Казаки на этой войне проявили себя истинными храбрецами. Казачьи батальоны брали целые города и контролировали большие отрезки границы, крошили «бандеровскую нечисть» в котлах и гибли на блокпостах. Они не просили, но заслуживали

уважения. Воевали не за страх и почести, а за совесть. Добывали доблесть. Однако у них то и дело возникали трения с самовыдвиженцами, уверовавшими в то, что делегированы верховодить от имени самой России. Бывший реконструктор по прозвищу Снайпер, лично у меня он был в почете как офицер, не жаловал казачество, винил казаков в неумении подчиняться, задевал, искал повод уличить в дезертирстве. Заигрался в «Белую гвардию», словно восстал из пепла разгромленной в Крыму армии Врангеля. Воевал за вымышленные идеалы, утратив связь с реальностью. Взяло от него духом пораженчества, все время ныл и обвинял Кремль в бездействии. На себя замкнул все внимание прессы, развесил билборды со своим портретом. Казаки такого сторонились. Боевые атаманы сами были с усами. Но, признать надо, находились и паршивые овцы даже среди героического казачества...

Разношерстная публика наша состояла из многих сословий, по большей части рабочих профессий, в том числе шахтерских. Присутствовали и маргиналы, и бывшие уголовники, под пятьдесят казаков в смешных папахах и кубанках, даже с нагайками, с десятков армян, которые почему-то тоже считали себя здесь казаками, дав присягу войску Донскому, а теперь и непризнанной Новороссии. Было также пятеро осетин и двое чеченцев, один из которых полукровка.

Дисциплина хромала. Казаки, люди вольные, заразили всех ростовской феней, и этот жаргон служил в сформированном подразделении командным языком. А за командира у нас был атаман Пугач. Из тех, кто не признавал власть Снайпера ни в какую. Тот еще «жужик». Равных ему в неологизмах и терках не было. Он ходил в тельнике, хоть и не служил в ВДВ. Поговаривали, что занимался он до войны охранным бизнесом, не очень законным земельным рейдерством в станицах.

Ко мне как к практически уволенному корабельному офицеру ВМФ, оказавшемуся в зоне конфликта по доброй воле, будучи в очередном отпуске, и не вернувшегося в часть по его окончании, Пугач относился с опаской, хоть я и не мог соперничать с ним в авторитетности и поэтому не претендовал на его верховенство. Видно, чувствовал Пугач, что мне, человеку, лояльному к вольнице, не по нутру абсолютная анархия. Я хоть и не вернулся на «коробку» в срок, но сделал это, во-первых, уже будучи под сокращением, а во-вторых, в лице командира нашего отправленного на списание сторожевика я нашел полное единомыслие. Кэп так и сказал: «Прикрывать буду, сколько смогу. Защищая Донбасс, ты Крым защищаешь! Отмажу...»

Знал я, что когда-нибудь мы схлестнемся с Пугачом в чем-то неразрешимом, но не ведал, что очень скоро. Возможно, в спорах с атаманом о единоначалии, об острой необходимости объ-

единения всех отрядов под единым тактическим руководством, о моем прилюдном определении атамана как полевого командира заслуженного, но средней руки, родилось это неприятие. Нелюбовь ко мне присутствовала и в его ближнем круге, я раздражал многих, но это не была лютая ненависть. Да и соглашались со мной некоторые. В курилках, тихо, советуя, правда, не лезть на рожон.

...Лицо подростка показалось мне знакомым. Это он вызвал тогда ребят. Нас он считал властью и силой. Так оно и было. В опустевшем городе не осталось ментов. Город теней напоминал пейзаж заброшенной промзоны с целлофаном на окнах и выбоинами в асфальте. Закрытые двери жилищ не давали гарантий неприкосновенности собственности точно так же, как банкоматы не давали больше купюр. Обесточенные машины для денег казались однорукими бандитами заброшенного казино, в котором в рулетку разыгрывалась жизнь целого города.

Я попросил пацана подождать у перекошенного фонарного столба с давно разбитой лампой и свисающими струнами электропроводки. Зайдя в расположение ополченцев, я вынул свою буханку из вещмешка, отломил половину и понес ее изголодавшемуся пареньку. Он не услышал, как я подошел. По привычке я теперь ходил осторожно, трехмесячный опыт позиционных боев уже имелся, и он вынуждал озираться и искать естествен-